

Диана Светличная

ЛОЖКА МЁДА

Третий день она металась по горячей подушке и беззвучно кричала: «Мё-ё-ду!»

«Мёёду», – вытягивались в трубочку ее белые губы, но сноха читала по ним: «вооду!» и вставляла в рот свекрови носик детского поильника с водой. Старуха злилась, отворачивалась, вода текла по ее подбородку.

«Че строить из себя Красный Крест? У нее есть две дочери!» – сквозь гул самолетов и взрывы снарядов услышала старуха. «Да никого у нее нет», – различила старуха второй голос и почувствовала, как где-то в груди закипел бульон, нужно было снять пену, которая булькала и ползла вверх.

«Ложку! Сейчас перельется!» – забеспокоилась она и застонала, пытаясь при-встать. Кипящий бульон дрогнул, запузырился и полился через край, обжигая ребра, бока, живот. Раздался взрыв, звон, гул. Все вокруг запылало огнем, разрушенные стены медленно поползли вниз. Каменная крошка, пыль, гарь – всё смешалось.

– Настя! – кричала откуда-то из дыма мама. – Настя! – голос мамы срывался, она закашливалась. Было жарко и хотелось спать.

Проснулась Настя от шума. Мужчины в форме помогали детям и женщинам подниматься в вагоны, забрасывали туда же тюки и мешки. Настя лежала на какой-то деревянной телеге, с неба на нее падали капли дождя, вокруг бегали и суетились люди, человек со свистком подгонял нерасторопных женщин, женщины обнимали мужчин, плакали. Настя приподняла голову в поисках мамы, но мамы нигде не было.

– Мама! – закричала Настя что есть мочи.

– Ну-ну-ну! – сказал ей почти ласково чужой мужчина с усами и, словно куклу, завернутую в какое-то колючее пальто, понес к вагону.

– Мамамамама! – кричала Настя.

– Чччччч, – успокаивал ее солдат.

– Сколько тебе лет, девочка? – спросила Настю уже в вагоне чужая женщина и дала крошечный сухарик. Настя показала ей, как учила мама, три пальца и съела угощение...

«Ты завалишь весь проект! Если даже родные дочери не стали забирать ее из больницы, это что-то да значит!» – разобрала сквозь шум колес и гудок поезда

уставшая старуха. Хотелось сойти с поезда. В щели товарного вагона, в котором они вместе с доброй незнакомой женщиной и еще целой толпой народа ехали целую вечность, она видела поле, желтые и синие цветы. Хотелось выйти в поле. Остаться там. Хотелось, но было нельзя. Ей еще предстояло положить веточку на холмик могилы доброй женщины с сухариком сразу после прибытия в теплую солнечную страну.

Разгружались медленно, радости от прибытия на лицах не было. Покинув вагон, люди сначала подолгу стояли у поезда, а потом, раскачиваясь и широко расставляя ноги, шли куда-то прочь.

– Мама? – спросила Настя свежий холмик и почувствовала во рту неприятный вкус, перед глазами запрыгали черные мушки.

– Чччч, – снова сказал ей какой-то незнакомый человек и, взяв за руку, повел по пыльной дорожке в маленький домик под большими деревьями. У домика бегали дети и черная собака.

– Ну-ка, съешь ложку мёда, – распорядилась с порога большая черноволосая женщина и сунула качающейся от бессилия Насте ложку сладкой гущи. – Ну, вот ты и дома...

«А золовки-то твои знают, что их мать умирает у тебя?» – жужжит как пчела голос. И нельзя от него ни отмахнуться, ни уменьшить громкость.

– Мама, ведь ты никогда не умрешь? – шепчут по очереди на ушко Насте ее ангелы-погодки. И по телу растекаются мёд и нежность. И сладкие слезы смыывают всё, что было темное, страшное. Верочка и Любочка – крошечные носики, светлые глазки, русые мягкие локоны. Набрать воды дождевой, ромашку заварить в банке, чтобы купать по очереди это счастье. Чтобы самыми красивыми росли эти девочки. И целовать макушки и розовые ладошки, задыхаться от аромата молока и мёда. Заслонить от ветра и невзгод, подстелить на каждом скользком повороте соломки. Утром чуть свет подоить корову и парного молока в постель своим изюминкам. Чтобы щечки розовые, глазки веселые. Расчесывать их густые волосы, вплетать в косы алые ленты. Любоваться и молиться...

«Хоронить тоже сама будешь? Пока они там дом делят, давай»...

Из ценного в доме только расписные тарелки. Стоят в серванте на самом видном месте. Это все, что осталось от Гришеньки. На них еще такие цветы красивые – ярко-синие, и каемочка золотая. Шесть больших тарелок, шесть поменьше. Всего-то пару раз из них и ели-то. Награда! «Почетный шахтер» – с другой стороны на одной тарелке написано. А Гриша над тарелками теми смеялся. А он надо всем смеялся. Как смеется, так все время и закашливается. Кашляет и говорит: «В себе уголек ношу». Глаза у него до последней минуты блестели, как угольки. Весело с ним было всегда. То историю какую расскажет, то просто смотрит глазами своими горящими, и хорошо. С работы приходил, на стул у стола садился, ногу на ногу закидывал, детей брал на руки по очереди, качал, песни сочинял на ходу. Жизнь вокруг него всегда кипела, как-то умел он оживить все. «Мёд ты мой!» – говорил Насте. А у Насти от слов этих сразу щеки горячие и в животе так хорошо, будто взлетела вверх на качелях.

Когда выносили Гришеньку из дома, Настя ни разу не заплакала, только повторяла, что вообще это не весело. А вернулась с кладбища – танцевать стала и петь, как Гришенька, – про все, что вокруг. Закружилась, упала, ударилась о косяк. Дети к ней бросились, помогают подняться, а Настя им: «Только одна

у меня просьба, чтобы положили потом вместе с папкой. Соскучилась. Сил нет». Вечерами, как оставалась одна дома, с тарелками разговаривала.

«Ты хоть Игорю-то сообщила, что пока он там, жених, в меду купается, его мать тут испускает дух?»

Игорь родился, когда Верочка с Любочкой уже в школу ходили. Крепкий, красивый, настоящий куклёнок. Глаза отцовские – угольки круглые, волосы твердые, ежиком. Всей больницей любовались, такой ладный ребенок. Умный ласковый. Только с ним Настя поняла, что значит обожать. Смотрит на него и тает сразу, умиляется, и не надо больше никакой другой картинки. Потому что нет картинки краше, чем сын. Для сыночка все самое лучшее. Пусть у самой пальто прохудилось, на локтях протерлось до сеточки, главное, сыночку ботинки новенькие и шапку кроличью. Зима-то вон какая лютая! Ножки куриные из супа только Игорю, мяско красное, чтобы сил больше было. И самый сочный кусок из пирога разделить между сыночком и Гришенькой. И слушать с замиранием сердца все, что Игорь рассказывает. Всё интересно, всё важно. И про муравьев, что кислой палочку делают, и про мальчишек, что ныряют с моста, как лягушата, и про школу, сколько там всего непонятного, и про железнодорожный институт, и про Аню, у которой ямочки на щечках. Да, про эту Аню постоянно. А что та Аня? Что там с ямочек на щечках взять? Отняла у матери последнюю радость. Сказала, что жить они в городе будут. А он за ней бегом. И плевать на дом отцовский, на слезы матери. Откуда только взялась та Аня...

«Анют, она глаза открыла! Пришла в себя, кажется», – прожужжал ставший уже знакомым голос.

Солнечный свет, словно луковый сок, больно кольнул глаза. Настя попыталась зажмуриться, но получилось только прикрыть веки. Под прикрытыми веками заиграли цвета: красный, синий, зеленый, поплыли цветные разводы и кляксы. Настя попыталась собраться и вспомнить, кто она. Вена на виске напряглась, вздулась, сердце застучало быстрее. Но она так и не смогла выбрать из представших в воображении образов подходящий. Вроде бы она и девочка в разрушенном доме, и девочка в поезде, а то женщина, что гонит корову на пастбище, и та, что кричит на кушетке, разрываемая изнутри новой жизнью, и сыплющая горстку земли вслед ушедшей жизни, и еще одна, и еще много других. Ее снова охватил животный ужас, она снова погрузилась в кошмар. Серые волосы снова стали влажными и прилипли к вискам.

«Чччч... – услышала Настя откуда-то издалека. – Сейчас я смочу вам водой губы... Чччч...»

Настя замерла, и перед ее глазами возникла четкая картинка. Она вдруг вспомнила серые стены больницы, жизнерадостного таракана, бегущего по спинке кровати, засаленную наволочку, запах хлорки и спирта. Вспомнила свою дряблую, пятнистую руку под капельницей, боль в пояснице, в груди, в висках. Вспомнила боль. Вспомнила, что ей восемьдесят два года, что она живет вдвоем с кошкой Шпонкой. Вспомнила, что у нее есть дочери и сын. Вспомнила, что она очень устала.

«Все будет хорошо, мама», – услышала она над собой и немедленно открыла глаза.

Остывший бульон, едва покрывшийся пленкой, снова дрогнул и забурлил. «Какая я тебе мама? – хотелось крикнуть ямочкам на щеках. – Десять лет как мы

чужие люди, что тебе от меня надо?» Но сил сказать все это не было. Губы не слушались, голос кончился. Только зеленые глаза, будто мхом покрылись, еще гуще цвет сделался. Округлились два болота, замерли.

«Хотите куриный бульон? Давайте, мама, хоть ложечку...» – и тянется со своей ложкой. И никуда не денешься. А свет яркий, солнечный. Обои в цветочек – розовые. Подушка мягкая, пахнет свежестью. Вот оно, наказание.

Ой, ты дура! Жизни не знала, не видела. Городская, избалованная кукла! На всем готовом всю жизнь. Борща варить так и не научилась. Ямочками своими мозги-то Игорю и запудрила! Пустоцвет ты несчастный.

«А вот сейчас еще ложку, и сразу сил наберетесь! Мы еще повоюем!» – и улыбается, а у самой слезы в глазах, будто не вижу. Будто не знаю тебя, нюню. Чуть что, слезы близко. Размазня ты бесхребетная.

«Вот и щеки порозовели. Совсем другое дело! Какая красавица! Игорь придет, а мы к нему своими ногами!»

И вот здесь еще много всего вспомнилось. И то, что пять лет ни весточки от сына. С новой девицей укатил на край света, и ни письма, ни звонка. И дочери, как стервятники, глотки друг дружке грызут, кому дом достанется. И Шпонка кричит вечерами с голоду – ни щавля, скотина, ни картошки знать не желает.

А еще вспомнилась старуха с окраины, к которой фотографию Аньки носила вечером, чтоб старуха та свечи сожгла, землю растолкла, пустила по ветру, чтобы нутро Аньки опустошила-высушила да откинула Аньку подальше от Игоря.

И от этого далекого, забытого воспоминания отчего-то так холодно сделалось. И укрыться захотелось одеялом тяжелым, толстым. И перекреститься. Или Аньку перекрестить. Да только сил в руках никаких. Будто и нет рук совсем.

«Прости!» – одними губами попыталась сказать старуха, но бестолковая Анька снова прочитала «воды» и опять поднесла свекрови детский поильник.

«Откуда у нее детская посуда?» – последнее, о чем успела подумать старуха.

Издалека доносилось: «Чччч... Ну-ка, съешь ложку мёда... Ну, вот ты и дома»...

